

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ЛЕКЦИЯ I. Октябрьская (1964 г.) революция сверху: новое руководство СССР.....	7
ЛЕКЦИЯ II. Идеология «консервативного реформирования»	42
ЛЕКЦИЯ III. Высший подъём экономической модели советского социализма	83
ЛЕКЦИЯ IV. Политическое развитие СССР: достижения, просчёты, парадоксы	137
ЛЕКЦИЯ V. Социальная структура и социальная политика в СССР на заключительном этапе строительства социализма	160
ЛЕКЦИЯ VI. СССР – краеугольный камень биполярной системы мироустройства.....	191
ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ.....	213
1. Власть и общество в СССР 1964–1982 гг.	213
Постановление Президиума ЦК КПСС «Вопросы, возникшие в Президиуме ЦК, и о мерах по восстановлению ленинских принципов коллективного руководства в деятельности ЦК КПСС».....	213
Сообщение о Пленуме Центрального Комитета КПСС.....	214
Указ Президиума Верховного Совета СССР об освобождении тов. ХРУЩЕВА Н. С. от обязанностей Председателя Совета Министров СССР	214
Отклики зарубежной прессы на проблемы экономического развития СССР. (1965–1966).....	214
Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР о мероприятиях по дальнейшему повышению благосостояния советского народа.....	215
Записка директора III департамента МВД (борьба с антигосударственной деятельностью в стране) полковника Х. Пентека об акции с кодовым названием «ОСЕНЬ-70», раскрывающая настроения в обществе.....	217
Докладная записка директора III департамента МВД полковника Х. Пентека о настроениях в обществе	220
Записка Л. И. Брежнева в Политбюро ЦК КПСС	222
Из постановления Совета Министров СССР «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР»	224
Записка В. Голикова Л. Брежневу.....	224

Степень удовлетворения потребностей населения в продуктах питания в СССР за 1960–1975 гг.	228
Из Конституции СССР	228
2. Отечественная наука и культура	230
Из письма П. Л. Капицы акад. А. М. Румянцеву о роли искусства в обществе и партийном руководстве культурой	230
Из обращения коллектива Государственного Академического Большого театра Союза ССР и Кремлевского Дворца съездов к деятелям советского искусства	231
Из письма главного режиссера Театра на Таганке Ю. П. Любимова Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу	232
О литературно-общественной позиции журналов «Огонек» и «Новый мир». Заявление	234
Записка Л. И. Брежнева в Политбюро ЦК КПСС	235
Из заключения сектора источниковедения советского общества Института истории СССР Академии наук СССР о содержании журнала «Поиски», данного по требованию прокуратуры	236
3. Бремя сверхдержавы	237
Записка Э. Н. Мамедова и А. Н. Яковлева в ЦК КПСС об осуществлении первоочередных мер в Чехословакии	237
Из речи Л. И. Брежнева на V съезде польской объединенной рабочей партии о защите завоеваний социализма	239
Потери советских военнослужащих в пограничных военных конфликтах на Дальнем Востоке и в Казахстане (1969 г.)	242
Китайские историки о китайско-советских разногласиях и ухудшении отношении между Китаем и Советским Союзом после второй мировой войны	243
Количество предприятий, сооружений и других объектов, построенных за послевоенный период за границей при техническом содействии СССР (по состоянию на 1 января 1971 г.)	246
Послание Л. И. Брежнева Президенту США Джимми Картеру	246
Из ответов Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева на вопросы корреспондента газеты «Правда» о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.	249
4. Политическое завещание Л. И. Брежнева	252
Краткая запись сообщения Л. И. Брежнева на заседании Политбюро ЦК КПСС	252

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы в российском обществе вырос интерес к различным периодам советской истории. Происходит не только всплеск внимания к тому времени, но и осязаемое усиление симпатий к нему. Разные социологические опросы дают отличающиеся друг от друга цифры, но выявляют общие, совершенно одинаковые тенденции развития общественного мнения. Люди с большей теплотой начинают вспоминать и саму эпоху 1970-х годов, и людей, живших тогда и творивших нашу историю. Тогдашний лидер советского государства – Л. И. Брежнев – в наши дни прочно вошёл в число самых популярных правителей России за всю её многовековую историю, именно годы его правления многие современные россияне и жители других бывших советских республик готовы провозгласить «золотым веком» отечественной истории, самым спокойным и благополучным историческим периодом. И среди людей старшего поколения, и среди молодёжи увеличивается число тех, кто не только ностальгирует по красивой картинке прошлого, но и желает вернуть те завоевания социализма, которые у советских людей были обманом или силой отняты в годы т. н. «перестройки» и последовавшего за ним лихолетья.

Люди хотят понять, почему в «брежневскую эпоху» самое незначительное повышение цен вызывало тревогу и обеспокоенность властей, стремление исправить положение, а сейчас проводится политика постоянного увеличения цен и разного рода поборов? Почему в те годы, когда стремительно росла продолжительность жизни, пенсионный возраст снижался, а сегодня, когда реальный срок жизни падает, когда вымирают коренные русские районы страны возраст выхода на пенсию увеличивают? Почему в годы расцвета СССР его считали сверхдержавой, у страны было множество союзников и с мнением Советского государства считался весь мир, а сейчас Российская Федерация, практически лишённая искренних друзей и надёжных союзников, воспринимается как заштатная региональная держава, мнение которой очень часто забывают даже спросить, а если и спрашивают, то лишь благодаря остаткам прежнего величия советского времени?

Все эти вопросы ждут своего ответа, а поскольку научное общество и учебные курсы по новейшей отечественной истории

не спешат давать их, в общественное мнение вбрасываются разного рода мифы о т. н. «эпохе застоя», «кризисе советской экономики», «отсутствии в СССР демократии» и т. п. Или наоборот, параллельно с чёрными мифами, в общественное сознание проникают разного рода апологетические оценки и мифы, столь же далёкие от реальности тех лет. В результате и те, кто изучает историю, и те, кто её преподаёт, остаются один на один с многочисленными искажениями исторического полотна, белыми и грязными пятнами, разобраться с которыми бывает, порой, очень и очень непросто. Помочь в поисках истины и предназначена наша специальная дисциплина «Советское общество 1970-х гг.: направления и тенденции развития», в рамках которой подготовлен данный курс лекций, который читатель держит сейчас в руках.

Подчеркнём, данная книга – это не ещё одна частная точка зрения, которую автор пытается навязать учащимся и педагогам, это своего рода приглашение к совместному творческому поиску, своеобразный путеводитель по периоду наивысшего развития советского общества. В ней автор не только делится своими размышлениями и выводами, но и доводит до читателей суждения других людей, многие из которых прямо противоположны авторским – читатель имеет право и должен знать максимальное количество самых разнообразных оценок и суждений. Это необходимо для того, чтобы он мог выработать свою, независимую точку зрения на изучаемую эпоху. Той же цели служат и собранные в приложении к основной части книги документы. Они дают возможность посмотреть на советское общество с самых разных сторон, самостоятельно порассуждать о тех тенденциях развития, которые имели место в те годы. Если предлагаемый курс лекций поможет хоть кому-то достичь самостоятельного понимания эпохи 1970-х гг. – цель книги будет полностью достигнута.

ЛЕКЦИЯ I

Октябрьская (1964 г.) революция сверху: новое руководство СССР

Последние годы пребывания Хрущёва у власти вошли в историю ощутимым падением поддержки его политики, которую историки называют либеральной либо неотроцкистской, со стороны самых различных слоёв советского общества. Партийные и хозяйственные руководители критически относились к экспромтам Хрущёва при проведении экономических и политических преобразований, неоправданным нововведениям. Негативно оценивались его внешнеполитические шаги, особенно разрыв с Китаем и неспособность отстоять интересы СССР в период Карибского кризиса. Военные понимали непродуманность и опасный характер предпринятого Хрущёвым сокращения армии. Рядовые граждане были недовольны ростом цен и пустыми прилавками. Крестьяне были выбиты из привычной колеи уничтожением приусадебных участков и личного скота, к 1964 году уровень их жизни был ниже, чем в 1940! По некоторым оценкам сельское хозяйство при Хрущёве было отброшено к дореволюционному уровню: в 1913 г. сбор зерна составлял 6 200 млн пудов, а при Хрущёве – 6 900, в лучшем случае 7 000 (включая сюда примерно 1 470 млн пудов не успевавшей дозреть кукурузы). Постоянный рост цен, снижение расценок, плохие условия труда – вот что ждало в повседневной жизни рабочих. Даже в Москве, где уже в первые годы после войны магазины были завалены икрой, крабами, самыми разнообразными колбасными и молочными продуктами, прилавки опустели – не хватало самых элементарных продуктов, не говоря уж о прежних деликатесах!

Углубление социальных язв подрывало стабильность общества и вызывало у людей растущее чувство протеста. Газеты, журналы, различные советские и партийные инстанции были буквально завалены обращениями, просьбами, предложениями, анонимками, в которых люди высказывали своё отношение к происходящему в стране, демонстрировали надежду на перемены к лучшему. Многие из этих писем были обращены лично к Н. С. Хрущёву как лидеру советского государства. Во многих обращениях звучала завуалированная критика его курса. Даже если Хрущёв и не читал шедшую к

нему корреспонденцию, он не мог не чувствовать истинного отношения к своей персоне со стороны подавляющего большинства народа. Ещё в студенческие годы мне приходилось слышать рассказы о том, как во время визита Хрущёва в Днепропетровск из огромной толпы встречающих в его открытую машину полетели завёрнутые в букеты цветов камни. И недавно я получил подтверждение тому, что всё происходило именно так, как мне говорили – причём по всей необъятной стране. Вот что писал о подобного рода инцидентах В. Е. Семичастный:

«Нельзя сказать, что Хрущёв был ограждён от реальности. С одним из свидетельств того, что в стране не всё гладко, он имел возможность столкнуться сам в Мурманске, где во время его выступления рабочие открыто роптали. В воздухе носились и откровенно оскорбительные слова. Всё чаще случалось, что во время поездок Хрущёва по стране на капот его автомобиля падали не только цветы, но и камни. И это были вовсе не единичные случаи».

Ещё одним нетривиальным, но весьма болезненным для властей способом борьбы с царившем в стране произволом стали проходившие в то время выборы. Казалось бы, безальтернативная, сугубо заформализованная советская избирательная система не позволяла людям выражать своё истинное отношение к хрущёвской политике. Но это было не так, что убедительно доказала компания по избранию депутатов Верховного Совета СССР, которая проходила в начале 1961 года. Официальные данные, сообщавшиеся в советской прессе, рисовали, казалось бы, совершенно безоблачную картину – Никита Сергеевич Хрущёв получит чуть ли не все 100% поддержки избирателей. Но есть и другие факты, которые не попадали в советские газеты и стали известны только в наше время. Многие граждане, вынужденные участвовать в выборах, использовали этот случай для выражения своего истинного отношения к власти, свидетельством чему служат многочисленные критические надписи на бюллетенях для голосования и опускавшиеся в урны для голосования записки, которые, по мнению московского городского комитета партии, были спровоцированы «нездоровыми» настроениями «отсталой» части населения. Соответствующие данные приводятся в книге известного своими публикациями о хрущёвской «оттепели» историка Ю. В. Аксютин.

Так, в обращениях к Хрущёву нередко звучат протесты против ущемлённого положения русских. Один избиратель спрашивал у Хрущёва: «Когда же народ-победитель, народ-созидатель, великий труженик русский народ будет хорошо жить?» В другой надписи на бюллетене звучал уже не вопрос, а требование: «Хватит существовать! Дай жизнь русскому народу». В других записках недовольство людей получило ещё более прямолинейное выражение: «Вы, – говорилось в одной из них, – ещё не сделали ни одного снижения цен...». Ещё один аноним так же спрашивал: «Почему нет снижения цен на промышленные товары и продовольствие?» «Почему [на] многие продукты, а главное сахар, конфеты и ширпотреб – не довоенные цены?» – звучало в третьей записке. Ждать от «Никиты манной каши», восклицал очередной участник голосования, это всё равно, что ждать «от козла молока». Неслучайно некоторые обращения непременно свидетельствуют, что политика Хрущёва, творимая под флагом возвращения к принципам Октября, на самом деле заставляла народ разочаровываться и в самой революции, и в порождённом ею строе: «Первый раз в жизни голосую против советской власти – очень трудно жить» – сетовал кто-то неизвестный в одном из них. Простые люди требовали от Хрущёва «возвратить старых работников партии – Маленкова, Кагановича и др.», с именами которых чаще всего отождествлялись первоначальные мероприятия «оттепели». Некоторые респонденты вежливо намекали Хрущёву, мы Вас, дескать, любим, но не пора ли в руководстве страны начать подготовку «Вашей достойной замены?».

В арсенал борьбы с несправедливой властью в период хрущёвского правления возвращаются листовки. Эти листовки, как правило, анонимно распространялись по почте, либо в людных местах. Их авторами были не только одиночки, но и небольшие антисоветские организации, хотя об антисоветском характере большинства листовок говорить вряд ли стоит – многие из них были направлены исключительно против самого Хрущёва. Так, в 1962–1963 годах группа молодых москвичей, в которую входили 24-летний Юра Гримм, 15-летний Коля Хасянов и др. распространяла в центре Москвы (в магазине «Детский мир», который располагается прямо напротив центрального офиса КГБ, в подъездах ЦК КПСС на Старой площади и других местах) листовки ярко выраженного антихрущёвского содержания: «Если ты гражданин, – звучало в одной из них, – если

тебе дорога судьба страны, ты должен требовать немедленного снятия Хрущёва со всех его постов и предания его суду...». Заканчивалась листовка очень выразительно: «По Хрущёву плачет Лобное место на Красной площади. Да здравствуют свобода и счастье. Голос народа». От Москвы ни на шаг не отставала провинция. Например, в ночь на 31 декабря 1961 года в одном из районов Читы на стенах зданий было расклеено 7 листовок, написанных от руки цветным карандашом: «Внутренняя политика Хрущёва – гниль! Долой диктатуру Хрущёва! Болтун Хрущёв, где твоё изобилие!» На следующую ночь в другом районе города была запущена листовка в стихах:

*Ильич, Ильич проснись
И с Хрущёвым разберись:
Водка стоит двадцать семь,
Сала, масла нет совсем.
К коммунизму подойдём
И капусты не найдём.*

О характере имевшей место в те годы «массовой агитации» можно судить так же на примере листовки-манифеста, которую 16 января 1961 года распространяла в цеху Краснодарского ремонтно-механического завода группа критически настроенных рабочих, руководимая Владимиром Горлопановым. Сам Горлопанов прежде служил офицером Советской Армии. В 1957 году был уволен. На гражданке он сразу же столкнулся с массой трудностей в плане трудоустройства и получения жилья. Бытовые невзгоды подорвали его здоровье, он заработал язву желудка и превратился в инвалида. Будучи человеком прямым и честным, открытого и горячего характера, воспитанный армией, он не смог смириться с теми безобразиями, которые творились вокруг. Написанная им и его товарищами листовка-обращение цитируется в книге В. А. Козлова. В листовке говорилось:

«Ко все рабочим, крестьянам, солдатам, офицерам и трудовой интеллигенции. Дорогие товарищи! Помните, что положение нашей Родины критическое. И спасти это положение можете только вы; больше спасть некому. Вы должны объединиться вокруг честных, твёрдых товарищей, которые сумеют объединить вас в твёрдую ударную силу для борьбы с советским капитализмом. После свершения Октябрьской революции было допущено ряд ошибок и особенно после смерти Сталина... Дорогие товарищи! дело революции, спа-

сение революции в ваших руках! Товарищи, время не терпит: за непомерно тяжёлыми прошедшими годами придут ещё более тяжёлые года... Общайтесь и сообщайтесь: производство с производством, город с городом и сёлами. Тогда только мы сможем достигнуть той цели, с которой мы ходим и носим в наших наболевшихся сердцах. К борьбе, товарищи! Иного пути у вас нет! Организационная группа. С осторожностью передай товарищу».

Резко политическую направленность имела листовка от 22 февраля 1962 года, которую подготовила небольшая группа бунтарей, называвшая себя «Союзом свободы и разума». В июле 1962 года Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда вынесла её участникам приговор, присудив им разные сроки заключения. Листовка, о которой идёт речь, была размножена тиражом более 350 экземпляров и распространялась по высшим учебным заведениям и промышленным предприятиям. В ней, помимо прочего, значилось:

«Соотечественники, трудящиеся, братья студенты. Товарищи!

Общественный строй нашего государства, фарисейски именуемый демократическим, давно стал и поныне остаётся реакционным, тоталитарным режимом. Диктатура пролетариата сменилась политической диктатурой партийного правительства, которое принципиальную верность марксизму подменило некритическим догматизмом. Конституция СССР находится в противоречии с фактическими законами общественной жизни, государственная политика правительства попирает насущные нужды народа, пренебрегает нашими интересами, обуздывает наши естественные желания.

... Риторическое провозглашение построения коммунизма в стране – жертвоприношение советских людей для будущих поколений, логически несостоятельно и не оправдано исторически.

... Мы, организация “Союз свободы и разума”, революционно выступаем на борьбу за возрождение подлинно демократической партии трудового народа, которая должна обеспечивать социальный прогресс Отечеству».

Удивительно, как тональность листовки напоминает тональность антибольшевистских листовок, распространявшихся в 1918 году эсерами и меньшевиками! В них так же авторы апеллировали к социалистическим настроениям русских рабочих. Только в обращении группы Горлопанова в качестве идеала предлагались

не демократические ценности февраля, а воспоминания о «правильном» или иначе «сталинском социализме».

Годом, который по праву можно назвать апогеем «листовочного восстания», становится 1962. Пихоя в своей монографии пишет: «В первой половине 1962 года произошёл своего рода взрыв массового недовольства той политикой, которая отождествлялась с Хрущёвым». И действительно, в отчёте, который в июне 1962 года направили «компетентные органы» в ЦК КПСС, комитетчики рапортовали, что в начавшемся году появилось 7705 листовок и разного рода анонимных писем подстрекательского содержания, что по сравнению с первой половиной 1961 года было в два раза больше. Дело не ограничивалось кустарными листовками антисоветчиков-одиночек: в упомянутой выше аналитической справке та же тенденция роста признавалась и касательно организованных подпольных групп: за весь 1961 год их было выявлено всего 47, а уже за первое полугодие 1962 года – 60.

Причиной взрыва народного недовольства становятся очередные антинародные шаги Хрущёва во внутренней политике. 1 июня 1962 года произошло значительное, сразу на треть повышение цен на мясо и другие продукты животноводства. Слухи о предстоящем подорожании стали распространяться по всей стране ещё накануне и вызвали сильное возмущение. Официальная пресса пыталась успокоить растревоженную как улей человеческую массу, – дескать предпринимаемый правительством шаг остро необходим, неизбежен и крайне выгоден населению. Печатались тенденциозные сообщения, о том, что «многие советские люди одобрительно отзываются о решении партии и правительства, говорят, что это нужное и хорошее мероприятие».

Но людей подобного рода безыскусной «дымовой завесой» и красивыми фразами о «всемерном повышении благосостояния трудящихся СССР» ввести в заблуждение было невозможно. Большинство рядовых тружеников понимало, что причиной вздутия цен были не расходы страны на гонку вооружения, а полный провал сельскохозяйственной политики Хрущёва. Все ещё помнили его драконовские меры по уничтожению скота в личных крестьянских хозяйствах, кукурузу в тайге и многое другое. Не успели забыть люди и ежегодные сталинские снижения цен... Аксютин в своей книге о

хрущёвской «оттепели» цитирует следующие наиболее характерные оценки искусственного скачка цен со стороны населения:

– Наше правительство раздаёт подарки, кормит других, а сейчас самим есть нечего. Вот теперь за счёт рабочих хотят выйти из создавшегося положения (аппаратчик Московского завода углекислоты Азовский);

– Мы от этого мероприятия не умрём, но стыдно перед заграницей. Хотя бы молчали, что мы обгоняем Америку. Противно слушать наш громкоговоритель... (заслуженный артист РСФСР Заславский);

– Всё плохое валят на Сталина, говорят, что его политика развалила сельское хозяйство. Но неужели за то время, которое прошло после его смерти, нельзя было восстановить сельское хозяйство? (старший инженер главка «Моспромстройматериалы» Местечкин) и др.

Но Хрущёв категорически отказывался признавать какую-либо вину перед обществом. Семичастный так описывал реакцию своего шефа на происходившее в низах:

«Когда были повышены цены на мясо, я информировал его о повсеместном недовольстве. Он утратил контроль над собой и взорвался:

– А ты что думал? Думал, что будут кричать “ура”? Разумеется, люди недовольны».

Ответ общества не заставил себя ждать. На многих заводах страны пошли разговоры о необходимости защищать свои права, в том числе с использованием надёжного, испытанного «оружия пролетариата» – стачек. Соответствующие настроения в те дни были зафиксированы на Магнитогорском металлургическом комбинате, Ивановском хлопчатобумажном комбинате, Минском заводе им. Октябрьской революции, в железнодорожном депо Тамбова и на других предприятиях. Бурлили Одесса, Днепропетровск, прочие рабочие центры. Образовавшийся нарыв могло прорвать в любой момент и в любой точке Союза. В некоторых городах многолюдные волнения подавлялись вооружённой силой. Так, например, обстояли дела в трёх городах Донбасса, охваченных рабочими протестами – Донецке, Артемьевске и Краматорске. Отрывочные сведения о кровавом характере усмирения протестовавших рабочих имеются об Омске, Кемерово и некоторых других городах Кузбасса. Кроме того, столкновениями с милицией сопровождались выступления рабочих на

родине первого Совета рабочих депутатов – в городе Иваново. Там протестные настроения привели к выступлениям рабочих завода сельхозмашин и одной из текстильных фабрик. Скудная информация, которой в настоящий момент должны ограничиваться исследователи, не позволяет осветить эти события более подробно. Зато много информации имеется о выступлении рабочих и населения Новочеркасска. В силу некоторых обстоятельств локального характера, именно они выступили наиболее решительно против хрущёвского произвола. Это был неожиданный и очень сильный удар, всполошивший всю кремлёвскую верхушку. Семичастный вспоминал:

«Прошло едва полгода, как я занял кабинет на Лубянке, когда в июне 1962 года произошли трагические события в Новочеркасске. Мы в КГБ, конечно, были готовы к протестам людей, но не такого масштаба. Отказ от работы 20–30 человек из-за пересмотра тарифов и роста цен кое-где наблюдались и прежде... В Новочеркасске же с самого начала обстановка приняла угрожающий характер».

Новочеркассские события до сих пор привлекают повышенное внимание историков и публицистов. В работах таких авторов, как Пихоя, Аксютин, Козлов, и др. восстание нашло довольно полное отображение. Поэтому подробно на хронологии случившего в городе останавливаться не будем, лишь в самом общем виде напомним его суть. В Новочеркасске, как и во многих провинциальных городах эпохи Хрущёва положение с продовольствием было аховым. Невозможно было достать ни мяса, ни мясных изделий. А тут ещё подошла очередная компания по пересмотру тарифных ставок, которая проводилась без согласия профсоюза и резко снизила заработок рабочих. На таком фоне и пришли известия о серьёзном повышении цен.

1 июня рабочие Новочеркасского электровозостроительного завода в заводском дворе устроили митинг и потребовали, чтобы к ним вышел директор. «Рабочие высказали ему, – пишет Семичастный, – своё недовольство по поводу плохих условий труда и быта, низких заработков. Тот попытался грубо осадить ходяков, стал разговаривать с ними таким барским тоном, что [это] вызвало возмущение людей». Что именно скрывалось под этим чекистским эвфемизмом о «барском тоне» известно из работы журналистки И. Мардарь. На жалобы рабочих, что у них не достаточно средств, чтобы прокормить свою семью и прокормиться самим, директор завода Курочкин высокомерно ответил: «Если не хватает денег на мясо и колбасу, ешьте

пирожки с ливером». Поведение директора стало последней каплей, переполнившей чашу терпения рабочих. Грянул взрыв.

Рабочие вышли из цехов с портретами Ленина, красными знамёнами и лозунгами «Хрущёва на мясо». На короткое время оставшие стали хозяевами положения в городе. Ими было перерезано железнодорожное сообщение, прекращена работа некоторых других предприятий города. Подверглись разгрому важные административные здания в том числе заводоуправление и горком КПСС, была предпринята попытка штурма здания милиции и УКГБ. Хрущёв послал в город А. И. Микояна, который на тот момент являлся самым приближенным к нему членом партийно-государственного руководства. Микоян, слабо разбиравшийся в психологии рабочих, попытался давить на жителей Новочеркасска своим авторитетом, но в результате чуть было не оказался растерзан разъяренной толпой, горе-мироотворца еле-еле успел эвакуировать заместитель председателя КГБ Н. Захаров.

Провал миссии Микояна был чреват распространением волнений на соседние города и рабочие посёлки. И власть сделала свой выбор: в городе объявлялось чрезвычайное положение. Против рабочих Новочеркасска были брошены войска, на улицах города загромыхали танки. Расстрел рабочих повлёк большие жертвы. Погибло много детей – очевидцы рассказывают, что первый залп был дан поверх толпы, и он пришёлся по деревьям, на которых сидели мальчишки, наблюдавшие за невиданным никогда прежде зрелищем. Наиболее активных участников новочеркасского восстания подконтрольные режиму суды приговорили к высшей мере наказания и длительным срокам заключения, причём, по авторитетному свидетельству Козлова и Мардарь, не обошлось без подтасовок и грубейших фальсификаций.

Слухи о новочеркасском расстреле потрясли всю страну и не смолкали ещё долгие годы. Другие подобные инциденты хрущёвского времени были известны не так хорошо, но теперь, когда пелена секретности спала, стало ясно, что событиями в этом городе география массовых выступлений тех лет не ограничивается. Многие из них происходили ещё до восстания рабочих и жителей Новочеркасска. Причины их были самыми разнообразными. Большинство из них возникало так же на социально-экономической почве. Так, крупное восстание, подавленное вооружённым путём, произошло

в 1959 года в Темиртау. В его основе лежали недостатки целинной компании, когда людей бросали в чистое поле и заставляли работать без всяких бытовых условий. В 1961 году прошли выступления в Краснодаре, Муроме и Александрове. В 1961 и 1963 годах массовые выступления прогремели в городе Кривой Рог под Днепропетровском. По рассказам одного очевидца, в зимние месяцы после денежной реформы 1961 года проходившего производственную практику в городе Кировограде, там недовольство населения так же выплеснулось на улицы: множество домохозяек с колясками и малолетними детьми блокировало подходы к зданиям органов власти с требованиями предоставить им возможность приобретать детское питание, хотя бы молоко и манную крупу. По другим сведениям, нечто подобное разгневанные женщины устроили и в Кишинёве, возможно, и в некоторых других городах Юга.

Значительная часть прочих выступлений, к примеру в июле 1960 года в Дзегитаре, в августе 1958 года и апреле 1964 года в Чечне и др. стали следствием непоследовательной национальной политики Хрущёва.

Очень многие массовые протесты стали реакцией на сталинофобию Хрущёва. Один крупный современный специалист в области политических наук ещё совсем недавно утверждал, что развенчание культа Сталина практически не вызвало никакого сопротивления низов. Это предположение – типичное следствие существовавшей в СССР практике искажать историю, засекречивать архивные фонды. Сегодня, когда историки получили к ним доступ, картина представляется совершенно иной. В основе многих беспорядков, например в Тбилиси, Сухими, Гори и Батуми в 1956 году, в 1963 году в Сумгаите и др. лежало недовольство со стороны широких слоёв населения как раз антисталинской истерией, поднятой Хрущёвым. Часто протест почитателей Сталина выливался в настоящие восстания, когда протестующие подвергали нападению здания различных государственных учреждений и организаций. Понятно, что режим Хрущёва не стеснялся для разъяснения населению правильности решений XX съезда КПСС массированно применять оружие. Только в Тбилиси при разгоне 60-тысячной демонстрации было убито не менее 20 человек.

Тем самым общая тенденция обозначилась довольно чётко – потерявшие всякую надежду массы проявляли своё неприятие хрущёв-

ской политики выходя на улицу. Как показывают новейшие исследования, в частности данные, полученные историком Козловым, время со второй половины 1950 до первой половины 1960 годов было самым беспокойным во всей послевоенной советской истории. Другой историк – Семанов, в оценках ещё категоричней, он утверждает, что в Советском Союзе ничего подобного не наблюдалось со времён НЭПа. И это не преувеличение. В хрущёвский период по стране прокатилось множество массовых выступлений, в которых принимали участия рабочие, служащие советской армии, студенты. Согласно справке КГБ о массовых выступлениях в СССР, подготовленной несколько позже, а именно во время горбачёвской «перестройки», только за последние годы правления Хрущёва в стране состоялось не менее 10 **крупных** народных волнений с числом участников 300 человек и более. Причём, что самое печальное, в 80–90% случаев для их подавления Хрущёвым применялось оружие, гибли люди. То есть других способов урегулирования противоречий между властью и обществом, кроме голого насилия, Хрущёв просто не знал или не признавал. Шутка ли сказать – даже при Сталине такой страшной статистики не отмечалось! Поэтому в корне неверным является утверждение журналиста Леонида Млечина, содержащегося в предисловии к новому исправленному изданию книги В. А. Козлова, будто бы выступления при Хрущёве были, по сути, запоздалой реакцией населения на обиды, нанесённые ему сталинской властью. Этот вывод явственно противоречит всему фактическому материалу, собранному в исследованиях самого Козлова, которому Млечин, тем самым оказывает медвежью услугу.

О том, что именно политика самого Хрущёва подорвала доверие к нему в советском обществе свидетельствует и тот факт, что не только в народе, но и в среде либеральной интеллигенции, ставшей после XX партсъезда надёжной опорой хрущёвских преобразований, росло разочарование в недавнем кумире. Это было вызвано отходом руководства страны от либеральных реформ в области культуры первых лет «оттепели». Начинается возврат к прежним методам ограничения свободы творчества и цензурных запретов. Жертвой очередного поворота становятся даже такие известные писатели, как Ю. Пастернак. В 1957 году он выдвигается на соискание Нобелевской премии за роман «Доктор Живаго». В ответ на это в СССР против писателя была начата целая волна разоблачений, а в октябре 1958 года он был изгнан из Союза Писателей. Резкой критике за «идеологическую сомнительность», «отрыв от интересов трудового

народа» и т. п. подвергались поэты А. Вознесенский, Е. Евтушенко, писатели В. Дудинцев, С. Кирсанов, К. Паустовский, скульптор Э. Неизвестный, художник Р. Фальк, режиссёр М. Хуциев. Так и не увидела свет рукопись романа В. Гроссмана о войне «Жизнь и судьба», которая была изъята у писателя органами госбезопасности (она дошла до своего читателя лишь в 1988 году). Не пошёл на экраны фильм М. Швейцера «Тугой узел», попали в спецхран многие другие произведения.

Самым ярким эпизодом, ставшим своеобразным символом окончания эпохи «оттепели», исследователи часто называют посещение в 1962 году Хрущёвым выставки в честь 30-летия Московской организации союза художников. Познакомившись с работами молодых художников-авангардистов, Хрущёв отозвался о них в самых грубых тонах, следствием чего становится экстренно принятое руководством Академии художеств осуждение левых течений в живописи: «формализм» и «абстракционизм» обличались в нём как «враждебные всей марксистско-ленинской идеологии» советского общества.

Трагическим событием периода «оттепели» становится самоубийство 13 мая 1956 года видного отечественного писателя А. А. Фадеева, не пожелавшего принять идеологические кульбиты новых правителей СССР, их стремление установить диктат над творчеством. В своей предсмертной записке он писал: «Литература – этот высший плод нового строя – унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти – невежды».

В одной из бесед с тогда ещё молодым поэтом Андреем Вознесенским, Пастернак отзывался о Хрущёве примерно в тех же тонах, что и Фадеев: «Так долго над страной царствовал безумец и убийца, а теперь – дурак и свинья». Как подтверждают современные исследования, тема о дураке и свинье на троне была живо подхвачена и другими представителями творческой элиты. Так поэт Илья Сельвинский своё отношение к свободе творчества в СССР и лично к «дорогому Никите Сергеевичу» сформулировал в следующей изысканной манере:

*Неправда, что книги летят у нас в урны:
Цензуру изгнал всесоюзный Совет.
Пример? Извольте: на целый свет
Хрущёв, например, голосит нецензурно.*

Как видим, обстановка становилась всё напряжённей и напряжённей, всё явственней и явственней проявлялись признаки приближавшейся бури. Как же правильно назвать характер происшедшего в нашей стране на сухом языке социологической науки, например марксистской – ведь Хрущёв сам себя считал выдающимся марксистом всех времён и народов? Если устроить инвентаризацию взглядов классиков, в особенности В. И. Ленина, то среди прочего нам попадёт на глаза понятие «революционной ситуации». Ленин выделял три её признака. Первый признак – это кризис верхов (когда верхи не могут, а низы не хотят жить по-старому). Второй признак – это резкое падение жизненного уровня населения. Наконец, третий признак – это активизация массовых выступлений обездоленных низов. Как видим в СССР генезис всех этих трёх признаков зашёл уже довольно далеко.

Во-первых, у Хрущёва уже не получалось по-прежнему лихо насаждать безропотно молчавшему обществу свои безответственные решения, а само общество, причём во всех своих важнейших сегментах, уже устало терпеть над собой тупого экспериментаторства. Во-вторых, люди были недовольны своим материальным положением. Условия жизни населения в течении хрущёвского десятилетия, конечно, постоянно менялись, временами даже улучшались. Но прирост общественного богатства шёл гораздо быстрее, чем повышение личного благополучия. А ведь давно установлено, что наиболее существенные социальные взрывы происходят не там, где общество во всей своей совокупности переживает кризис, а там, где наступает пора справедливо распределять плоды хозяйственного подъёма, а кто-то по справедливости делиться не желает (об этом, например, в одном из своих тюремных писем рассуждал опальный олигарх М. Ходорковский, знающих о профилактике трудовых конфликтов не понаслышке). При Хрущёве ситуация усугублялась ещё и тем, что даже при позитивной динамике экономического роста случались такие пиковые моменты, когда жизненный уровень людей падал стремительно. И, в-третьих, как мы только что видели, протестная энергия всех слоёв населения становилась всё более и более весомым фактором внутривнутриполитической жизни.

Тем самым, на марксистском языке происшедшее в СССР в последние годы правления «марксиста» Хрущёва, который, правда, на самом деле никаким марксистом не был, следует оценивать как

вызревание революционной ситуации. Да и не только на марксистском, на любом ином языке социологической науки, тем более на языке здравого смысла ситуация могла быть названа если и не революционной, то предгрозовой – верхи были уже ни на что способны, а низы хотели – очень хотели – есть! И пускай историки стыдливо бояться называть вещи своими именами (советские историки не могли допустить самой мысли, что в «стране победившего социализма» могла сложиться революционная ситуация, а либеральным историкам «политическая целесообразность» не позволяла признать, что кризис тех лет был вызван вовсе не «провалом советского эксперимента», а вторжением западного либерализма в традиционное и солидарное жизнеустройство нашего народа), суть выявленного нами явления остаётся неизменной.

Конечно, из истории нам известно, что далеко не каждая революционная ситуация перерастала в революцию. Например, за сто лет до Хрущёва свои реформы проводил ещё один либеральный деятель Александр II. На рубеже 50–60-х годов XIX века он так же сумел довести Россию до возникновения в ней революционной ситуации. Но тогда революции так и не произошло. Почему? Потому, что для революции недостаточно только объективных факторов, необходимы ещё и субъективные, а именно наличие значимой политической силы, способной аккумулировать недовольство низов и повести за собой большинство общества. В XIX веке таковой не нашлось. А в XX веке? В аналитических сводках КГБ засвидетельствовано, что в стране то тут, то там возникали локальные политические группы. Объединение подобных «тайных обществ» во всесоюзном масштабе было лишь делом времени, особенно если учесть «доброжелательное» внимание к нашим внутренним проблемам со стороны наших «друзей» – прежде всего американцев.

Многие в высшем партийном руководстве не только чувствовали, что страна всё ближе приближается к пропасти, но и отдавали себе отчёт в том, что главная причина происходящего – Хрущёв, полностью потерявший способность адекватно воспринимать критику. Члены его ближайшего окружения, боявшиеся, что субъективизм и метания реформатора подорвут основы советской системы, вынуждены были согласиться принести Хрущёва в жертву ради сохранения стабильности. Перед ними стоял выбор: либо революция снизу, либо революция сверху. В партийном руководстве шла кри-

сталлизация ядра антихрущёвской оппозиции, своеобразной «партии революционеров» в «партии чиновников». И не столь важно, что входившие в неё люди сами являлись сановниками самого высокого, а их целью была революция, которая на языке современной геополитики называется консервативной революцией. Главное, что в тот момент в КПСС ещё нашлись силы, способные самостоятельно, без указаний начальства, противостоять крушению базовых принципов советского проекта.

Выбор, который предстояло совершить каждому, кто пополнял ряды оппозиции, требовал немалого мужества поскольку Хрущёв был скор на расправу, мстителен и злопамятен. В тридцатые годы одним росчерком пера он отправлял на эшафот десятки тысяч часто ни в чём неповинных людей, устроил кровавую резню обвинённых по «ленинградскому делу». Оказавшись у кормила власти, он цинично издевался над своими поверженными противниками. Берия был бессудно расстрелян. Молотова – политика, которого знали и ценили во всём мире, сослали послом в Монголию, которая в те годы, по сути, являлась чем-то вроде ещё одной республики в составе Союза ССР. Булганина удалили в Ставрополь руководить местным совнархозом. Кагановича сделали управляющим трестом «Союзасбест» на Урале. Особенно по-иезуитски Хрущёв обошёлся с главным своим соперником Маленковым, которого низвели до должности директора рядовой электростанции за тысячу вёрст от Москвы.

Кроме того многих сдерживали от вступления в антихрущёвскую оппозицию соображения морального плана – ведь для большинства «мятежников» Хрущёв являлся тем человеком, благодаря которому они получили, что называется, «путёвку в жизнь», выбились на самые высокие должности в партийном и государственном аппарате... Но интересы страны, наконец, перевесили страх, нерешительность и нравственные колебания.

Кто же стал инициатором отстранения «кукурузного диктатора» от власти и возглавил революционную партию принципиально «нового типа»? Некоторые историки приписывают лидерство в этой группе главному советскому идеологу тех лет М. А. Суслову. Суслов и в самом деле был сильным политиком, особенно в интригах. Ему поручались самые щепетильные поручения – именно он произносил на пленумах ЦК обличительные речи против очередных «антипартийных групп». Он всегда оказывался на стороне победителей и

генеральной линии партии. Но в силу этих своих качеств Суслов вряд ли мог решиться на самостоятельные действия, связанные с риском падения с самой вершины власти.

Имеются и другие точки зрения на этот счёт. Одна из них принадлежит А. Н. Шелепину. Свою карьеру Шелепин начинал в комсомоле, затем перескочил в кресло Председателя КГБ, а вскоре возглавил Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР, что фактически превращало его во второго человека в государстве. К мнению Шелепина присоединяется его соратник по комсомолу, в последствии сменивший его на посту председателя КГБ Семичастный. Оба они принимали непосредственное участие в политической борьбе того времени. С одной стороны, это придаёт их словам, как словам очевидцев, больший вес. Но, с другой стороны, как лица заинтересованные, они могли сознательно пойти на фальсификацию событий, с тем чтобы обелить себя. Поскольку и Семичастный, и Шелепин делились своими воспоминаниями уже в период крушения советской системы, им могло показаться более выгодным оградить себя от обвинений в консерватизме, недемократизме, сталинизме и прочих, с точки зрения перестроечных и ельцинских времён, «преступлений». В частности Шелепин даже пытался заверить, что искренне сожалеет о случившемся (хотя, если он в действительности о чём-то и сожалел, то вовсе не о том, как поступили с Хрущёвым, а о том, что на освободившееся место усадили не его, а Брежнева, но об этом – позже).

Что же по интересующему нас вопросу пишут бывшие комсомольцы? Они, с той или иной степенью убеждённости, утверждают, будто бы главную роль в проведении акции по «зачистке» Хрущёва сыграл Л. И. Брежнев, а также Н. В. Подгорный, оба – креатуры Хрущёва ещё со времени его работы на Украине. Эту версию некритически поддержали некоторые историки, в частности Аксютин. По его мнению, подготовка изменений кремлёвского политического ландшафта началась вскоре после пленума ЦК КПСС 18–21 июня 1963 года, когда Хрущёв освободил от обязанностей второго секретаря слёгшего по его вине с инсультом Ф. Р. Козлова, а исполнение его обязанностей поручил Брежневу (с переходом на работу в секретариат вскоре потерявшего пост председателя Президиума Верховного Совета СССР) и бывшему лидеру украинских коммунистов Подгорному. По замыслу Хрущёва, оба его ставленника должны

были соперничать и фискалить друг за другом. Тем самым он рассчитывал предотвратить появление у себя за спиной сильного, самостоятельного политика.

Но судьба распорядилась иначе. Брежнев был обескуражен потерей своей прежней синекуры. Пост председателя Президиума ВС СССР формально делал его главой советского государства, этаким красным президентом, который, правда, по аналогии с английским королём, царствует, но не правит, но зато и не за что не отвечает. Возмутился своим переводом в Москву и Подгорный – если прежде он представлял собой полновластного хозяйчика второй по мощи советской республики, то теперь, на Старой площади он был низведён Хрущёвым до статуса помощника, слуги, причём даже эти «обязанности» ему пришлось делить с другим. Двое «обиженных» быстро нашли общий язык и начали плести интригу против своего обидчика. Они вовлекали в ряды оппозиции всё более и более широкий круг лиц.

Эта, казалась бы, гладкая и вполне солидная версия, вполне удовлетворившая Аксютину, тем не менее породила серьёзные сомнения у многих других историков, таких как Пихоя, Семанов, Рой Медведев. Они усмотрели в свидетельствах Шелепина и Семичастного личную заинтересованность и некоторые микроскопические (но достаточные для натренированного взгляда) противоречия, которые серьёзно подрывали убедительность предложенной ими картины. Логически рассуждая, эти исследователи приходят к выводу, что инициаторами случившегося оказались как раз сами Шелепин, Семичастный и другие их единомышленники, так же пришедшие в большую политику через комсомол (среди них называют П. Н. Демичева, Н. Г. Егорычева, Н. Р. Миронова и др.). Семанов величает шелепинскую группу «комсомольскими младотурками». Это было племя свежих, амбициозных функционеров, остро ощущавших потребность в позитивных переменах. Собираясь подальше от посторонних глаз то за городом, то на стадионах во время футбольных матчей, то в других подобных местах, они сообща вырабатывали стратегию политической борьбы и воссоздание мощи советской империи (эти «молодогвардейцы» так поднаторели в проведении революций сверху, что их опыт был задействован ГКЧП в 1991 году, что, правда с деланным негодованием пытался опровергнуть Семичастный).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru